Г. М. Седова

ПИСЬМО АЛИНЫ ДУРНОВО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА ИЗ «ЗАПИСОК» А. О. СМИРНОВОЙ-РОССЕТ

Автор фокусирует свое внимание на одном из документов современницы Пушкина — на записках А. О. Смирновой-Россет. Мемуарные записки Смирновой-Россет были отредактированы и опубликованы в 1893 г. дочерью мемуаристки О. Н. Смирновой. В результате долгое время эти мемуарные свидетельства воспринимались исследователями как грубая фальсификация. Автор анализирует полемику вокруг подлинности текста «Записок» и обращает внимание на возможность и необходимость включения их в комплекс документов о дуэли и смерти Пушкина. Особое внимание автора уделено одному из таких свидетельств — письму, полученному Смирновой-Россет от ее подруги А. П. Дурново. Содержание письма позволяет не только представить отношение к участникам пушкинской дуэли в петербургском свете, но и уточнить некоторые существенные обстоятельства преддуэльной истории.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, дуэль и смерть, «Записки» А. О. Смирновой-Россет, письмо А. П. Дурново.

G. Sedova

THE LETTER OF ALINA DURNOVO ON THE DUEL AND DEATH OF PUSHKIN FROM O. A. SMIRNOVA-ROSSET'S NOTES

The memoirs of Pushkin's friend, A. O. Smirnova-Rosset, were edited and published in 1893 by her daughter O. N. Smirnova. For a long period of time these notes were regarded as a pure falsification. The polemic of the authenticity of A. O Smirnova-Rosset's Notes is analysed and a conclusion is made of the possibility and necessity of regarding them as real documents. One of the evidences, the letter received by A. O Smirnova-Rosset from her A. P. Durnovo, helps to clarify the circumstances of Pushkin's duel and the attitude of the society to the event. of it's time and very near dealing with duel and death.

Keywords: A. S. Pushkin, duel and death, Smirnova-Rosset's Notes, letter of A. P. Durnovo.

Один из главных источников сведений о дуэли и смерти Пушкина содержится в переписке и воспоминаниях современников поэта. После поединка причины его занимали все столичное общество. «Подробности этой катастрофы, — писал своему королю баварский посланник граф Максимилиан Лерхенфельд, — <…> являются уже в течение нескольких дней единственным предметом разговоров в столице» [22, с. 370]. «Давно уже ни одно событие не производило столь общей сенсации и не заполняло столь исключительно всех бесед в салонах столицы, как та дуэль, которая произошла на днях и кровавую развязку которой я не смогу обойти полным молчанием», — читаем в депеше прусского посланника барона Августа Либермана [22, с. 373].

Современники на все лады обсуждали поведение действующих лиц драмы, пытаясь отыскать среди них виновных и пострадавших. В салонах, дружественных голландскому посланнику барону Геккерну, сочувствие было на стороне Дантеса. Здесь в Пушкине видели ревнивого африканца, погубившего на поединке и себя, и репутацию своей жены. Дан-

теса представляли жертвой якобы злобного характера поэта. Выражая такое мнение, датский посланник в Петербурге граф Отто Бломе рассказывал в донесении своему правительству, что Пушкин был «воодушевлен» своей «крайней враждебностью» к Дантесу. «Отличаясь неистовым нравом и ревностью, не знавшей границ, — отмечал Бломе, — он (Пушкин. — *Г. С.*) сделался жертвой своих подозрений относительно якобы существовавших между его женою и его свояком тайных отношений. Его ярость излилась в письме, грубо-оскорбительном, выражения которого сделали дуэль неизбежною…» [22, с. 354, 355].

Но в обществе было и другое мнение насчет участников поединка. Цензор А. В. Никитенко, прислушиваясь к тому, что говорили в те дни окружающие, записал в своем дневнике 30 января: «Дантес пустой человек, но ловкий и любезный француз, блиставший в наших салонах звездой первой величины». По поводу конфликта и поединка кавалергарда с поэтом Никитенко заметил, что «в обществе всегда бывают люди, питающиеся репутациями ближних: они обрадовались случаю и пустили молву о связи Дантеса с женою Пушкина» [11, с. 195, 198].

Обсуждение дуэльной истории нашло отражение не только в донесениях официальных лиц и дневниках современников. Жители столицы торопились сообщить эту главную новость в своих письмах, адресованных родным и друзьям, живущим в других городах России и за границей. Большой комплекс таких писем был получен давней приятельницей Пушкина, бывшей фрейлиной Александрой Осиповной Смирновой-Россет, которая с весны 1835 года жила с мужем в Берлине. А. О. Смирнова была известна своими близкими связями с представителями самых различных слоев петербургского света, о чем свидетельствуют сохранившиеся в ее архиве обширные мемуары. Поэтому письма, полученные ею, должны были отражать самые разные взгляды общества на события, связанные с пушкинским поединком.

Большую часть документального наследия А. О. Смирновой-Россет сохранила ее дочь О. Н. Смирнова, которая признавалась, что еще при жизни матери начала приводить в порядок гигантский ворох разрозненных и мало связанных между собой мемуарных и эпистолярных материалов, который представлял собой этот интереснейший архив. О. Н. Смирнова рассказывала, что многие годы «не переставала работать, группируя, подбирая, соединяя» хранящиеся у нее документы, «занося на бумагу свои собственные воспоминания и мысли». «Во всем, что я делала, я была простым отголоском того прошлого, в котором прошли и мое детство, и моя юность, и моя молодость. Я — эхо голосов из могил, голосов дорогих мне людей, хотя некоторых я и не знала: Пушкина, Лермонтова» [18, с. 11–12].

Эти откровенные признания О. Н. Смирновой не пошли на пользу ее публикации. Когда дочь Н. Н. Пушкиной от второго брака А. П. Арапова состряпала «мемуары», всем известные своей ненадежностью в документальном плане, она, не стесняясь, вписывала в них диалоги и обстоятельства собственного сочинения, бессовестно ссылаясь на умерших к тому времени членов семьи и прислугу. Не всегда и историк П. И. Бартенев приводил дословно то, что слышал от современников. Исследователи не раз «ловили» его на подтасовке некоторых фактов и сочинении того, что ему на самом деле никто не рассказывал. Таков был уровень исторического знания конца XIX века, когда не считалось большим грехом «дописать» за мемуариста то, что он не успел, но, с точки зрения историка, мог бы рассказать.

О. Н. Смирнова — одна из немногих современниц, решившаяся сказать прав-

ду о том, каково ее собственное участие в создании «Записок» матери. Но эти откровения были восприняты исследователями как доказательство фальсифицированности опубликованных ею материалов. Целый поток критики обрушился на «Записки», едва они увидели свет вначале в нескольких номерах журнала «Северный вестник», затем отдельной книгой: «Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.)». Многочисленные споры вызывали как суждения самой мемуаристки о Пушкине, так и собственные высказывания поэта, часто приводимые в «Записках» в виде прямой речи. Полемика насчет подлинности текста развернулась в печати еще при жизни О. Н. Смирновой, поскольку тогда же, в 1895 году, редактор журнала «Русский архив» П. И. Бартенев напечатал другой вариант «Записок А. О. Смирновой», извлеченный им из альбома, принадлежавшего сыну мемуаристки, брату О. Н. Смирновой*. Разность этих текстов смущала читателей и исследователей, среди которых находились те, кто требовал безоговорочно признать опубликованный текст за грубейшую фальсификацию, сработанную дочерью А. О. Смирновой. К примеру, довольно резко отзывались об этой публикации В. Д. Спасович (в рецензии на книгу Д. С. Мережковского «Вечные спутники» [19, с. 562]) и П. Е. Рейнбот (в оставшейся неопубликованной монографии о мемуарном наследии Смирновой [5, с. 330]).

В 1929 году Л. В. Крестова, готовя к публикации письма, дневниковые и мемуарные записи А. О. Смирновой-Россет, сравнила текст «Записок» с сохранившимся в архиве эпистолярным наследием мемуаристки и так выразила свое отношение к публикации О. Н. Смирновой: «Историкам литературы вообще, а пушкинистам в частности необходимо поэтому навсегда и решительно отказаться от какого бы то ни было пользования этим фальсифицированным документом, не подвергая его более никакой экспертизе» [9, с. 392]. Такое же мнение об апокрифичном характере «Записок» 1893–1895 гг. выразили и составители опубликованной в 1931 году «Автобиографии» А. О. Смирновой-Россет. После этих публикаций большинству пушкинистов казалось, что «проблема издания и изучения ее наследия казалась полностью исчерпанной» [5, с. 329].

Однако анализируя источники «Записок», изданных О. Н. Смирновой, Л. В. Крестова, хотя и отвергла их как источник, все же попыталась решить важный источниковедческий вопрос: не могла ли воспользоваться О. Н. Смирнова подлинными, не известными нам дневниками и письмами своей матери. «Очень вероятно, — заметила исследовательница, — что, помимо вышеприведенного дневника [дневника 1845 г., печатавшегося Л. В. Крестовой], существовали короткие записи А. О.» [9, с. 379].

В начале 1970-х годов тщательный сравнительный анализ записей, опубликованных О. Н. Смирновой, и подлинных записок ее матери произвела С. В. Житомирская, которая пришла к выводу, что «с точки зрения истории этого текста главное значение имеют вовсе не некоторые различия, а, наоборот, значительное совпадение в обоих текстах выдержек из дневников». «Компилируя свое произведение из различных источников, — продолжала С. В. Житомирская, — О. Н. Смирнова могла бы вообще создавать заново любые нужные ей тексты;

* Бартенев располагал рукописью и другой части «Автобиографии» А. О. Смирновой, но не решился ее напечатать. Ее писарская копия хранится в ИРЛИ в собрании Бартенева с надписью рукою Бартенева на конверте: «Неизданные записки А. О. Смирновой (когда она была в умственном расстройстве). Копия с рукописи, которую имел я от ее дочери Н. Н. Ссорен. — *П. Б.*»).

совпадение же указывает на наличие какого-то реального протографа, лишь отредактированного по-разному» [5, с. 332]. Таким протографом записок С. В. Житомирская считала исчезнувший дневник А. О. Смирновой, объем и хронологические рамки которого остаются нам не известными.

С. В. Житомирская обратила внимание и на указание О. Н. Смирновой о том, что рассказы матери были созданы ею по ее «собственным заметкам, накопившимся в течение многих лет» [6, с. 16]. Исследовательница привела письмо О. Н. Смирновой, адресованное ею своей родной сестре Н. Н. Сорен: «Так как я в течение долгих годов всегда записывала то, что maman рассказывала интересного, — писала О. Н. Смирнова, — я обещала прислать эти заметки Аксакову и Бартеневу, в „Старину“ и „Архив“». «Если бы утверждение о многолетней письменной фиксации рассказов матери не соответствовало действительности, — отметила С. В. Житомирская, — О. Н. Смирнова никогда не решилась бы упоминать об этом в письме к сестре, несомненно, более всех осведомленной в истинности или ложности подобного утверждения» [5, с. 333]. В архиве О. Н. Смирновой в ЦГАЛИ (ф. 485, д. 21) сохранился один из таких дневников.

С. В. Житомирская впервые предложила взглянуть на «Записки», опубликованные О. Н. Смирновой, с другой точки зрения. По ее справедливому замечанию, ценность «Записок» состоит не столько в их содержании, сколько в тех источниках, которыми пользовалась дочь Смирновой. Выявив эти источники, можно было бы, как заметила С. В. Житомирская, «использовать их в науке». «А для этого надо прежде всего отказаться от зачеркивающего их вообще вывода Л. В. Крестовой и вернуться к изучению мемуарного наследия А. О. Смирновой в целом» [5, с. 334].

Помимо автобиографических записей, на которые обратила внимание С. В. Житомирская, среди документов, которыми могла воспользоваться дочь А. О. Смирновой, следует выделить колоссальный массив писем от тех лиц, с которыми мать Смирновой состояла в переписке на протяжении нескольких десятков лет. В 1893 году, когда «Записки» готовились к печати, Л. Я. Гурвич специально ездила в Париж, где знакомилась с бумагами, имеющимися в распоряжении Н. Н. Смирновой. Свои впечатления от увиденного она передала в письме к П. Е. Щеголеву от 31 января 1911 года: «У нее хранился огромный семейный архив, в котором Записки ее матери составляли одну незначительную часть. Кроме этих Записок, там было огромное количество писем к матери разных ее современников, в том числе масса писем, относящихся к смерти Пушкина; собственноручные письма к Алекс. Осип. Смирновой Николая I, брата его Михаила и др. Масса писем разных иностранных знаменитостей, напр<имер> Карлейля к Алекс<андре> Осип<овне>, переписка А<лександры> О<сиповны> со славянофилами; наконец, дневник самой Ольги Николаевны, кот<орый> она вела с ранней юности до поздних годов и в кот<ором> было много материалов о Гоголе, Тургеневе, славянофилах и т. п. <...> Весь этот архив хранился у нее в квартире. Записки ее матери были ко времени моего приезда уже переписаны ее собственной рукою <...>, а часть переписанного ею была вторично переписана — уже с ее рукописи — переписчицею. Она показывала мне образчики оригинала — разные клочки, написанные частью карандашом, иногда на отрывках бумаги, даже на счетах» [5, с. 337].

Изучая мемуарные записи А. О. Смирновой-Россет, П. Е. Щеголев отметил те особенности ее работы, которые в равной степени были свойственны и ее дочери,

когда та готовила записки матери к печати. По мнению П. Е. Щеголева, старшая Смирнова, вероятно, «совершенно бессознательно» вносила в свои «Записки» «данные своего опыта, своих знаний и чтений <...>. Она нередко перемешивала продукты своих впечатлений и оценок с фактической действительностью. Она была так убеждена в точности и непреложности своих представлений о людях и событиях, представлений, созданных уже не непосредственным их созерцанием, а всем жизненным опытом, что, по всей вероятности, удивилась бы, если бы ей сказали, что того-то и того-то, таких-то бесед не было и не могло быть. В ее представлении все эти вещи так соответствовали впечатлениям о прошлом, ее впечатлениям, что воспринимались как реально бывшие. Она много читала, вычитывала, к примеру, разные историко-литературные оценки и вкладывала их в уста Пушкину и другим: так они соответствовали ее впечатлению о прошлом. Вообще беседы, записанные ею, по большей части похожи на речи исторических лиц у Фукидида и других греческих историков. Эти речи не были сказаны, но, конечно, могли бы быть сказаны» [5, с. 334].

По-видимому так же свободно обращалась с текстом «Записок» и О. Н. Смирнова. Только, в отличие от матери, она честно призналась в этом читателю. Ей хотелось показать, какую огромную работу пришлось проделать, отбирая и систематизируя доставшееся ей документальное наследие матери. Часть документов ей пришлось расшифровать и собственноручно переписать, вследствие чего в них могли появиться описки и ошибки, объясняющиеся неправильным чтением переписчицей «темных» мест. Когда же текст «Записок» был переписан по-французски и отправлен из Парижа, где жила О. Н. Смирнова, в Россию, над ними потрудились сотрудники редакции — переводчик и переписчик, готовившие их к печати. На этом этапе возникали новые погрешности. В результате «Записки» обрастали «реалиями», которые местами могли затмевать их подлинное содержание.

Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать «Записки», опубликованные в 1893–1895 гг., как полнейшую фальсификацию. Ни сама мемуаристка, ни ее дочь не имели возможности проверить другими источниками многие факты, нашедшие отражение в «Записках».

С. Л. Франк, обратившись к публицистическим произведениям Пушкина, обнаружил полное смысловое созвучие между теми словами поэта, которые приведены на страницах «Записок», и тем, что писал Пушкин в статьях и дневниках, не опубликованных ко времени обнародования «Записок». Не подвергая сомнению тот факт, что О. Н. Смирнова сильно ретушировала «Записки» матери, С. Л. Франк вслед за Д. С. Мережковским утверждал, что идеи Пушкина, приведенные в «Записках», «безусловно подлинны по внутренним основаниям» [16, с. 413].

В специальной работе на эту тему В. М. Есипов также показал, что ряд приведенных в «Записках» диалогов с Пушкиным, как и некоторые высказывания на его счет или по поводу его произведений, находят подтверждение в текстах как самого Пушкина, так и его современников, опубликованных уже *после* появления «Записок» в печати [4].

Пытаясь объяснить подобную «осведомленность» О. Н. Смирновой как фальсификатора «Записок», Л. В. Крестова предположила, что дочь мемуаристки внимательно изучила «всю имевшуюся в ее эпоху Пушкиниану», а также была знакома «с трудами Полевого, Белинского, Аполлона Григорьева, с статьями по Пушкину в „Русском Архиве" и в использовании Остафьевского архива, с

работой Стоюнина и трудом Анненкова “Материалы для биографии Пушкина”» [9, с. 361–362]. Однако освоить такой гигантский комплекс материалов было под силу лишь крупному специалисту. В связи с этим В. М. Есипов справедливо заметил, что, «по убеждению Крестовой, Ольга Николаевна представляла собой этакий прообраз сегодняшнего Пушкинского дома» [4, с. 142].

Несмотря на шаткость положений о безусловной фальсификации текста «Записок», в 1974 году С. В. Житомирская не стала публиковать их в серии «Литературные памятники», когда готовила к печати академическое издание «Автобиографии» А. О. Смирновой-Россет. Так «Записки» оказались изъяты из круга общепризнанных «канонических» источников о жизни, дуэли и смерти Пушкина. Однако отвергнутый пушкиноведением текст, в особенности его второй раздел, названный О. Н. Смирновой «Смерть Пушкина», не исчез из поля зрения исследователей, обретя права апокрифа, на который не принято было ссылаться, но который активно использовался и используется по сей день как источник малоизвестных фактов о жизни и смерти Пушкина.

Раздел, о котором идет речь, имеет существенное отличие от всего остального текста. В нем О. Н. Смирнова постаралась отделить слова, взятые ею из писем, полученных матерью, от того, что мать думала и писала по этому поводу, либо могла написать. При этом некоторые факты, приведенные в цитируемых О. Н. Смирновой письмах, также находят подтверждение в документах, опубликованных гораздо позднее появления «Записок». К примеру, упомянутый мемуаристкой «некий маркиз или граф Тен», прибывший в Россию одновременно с Дантесом, оказался маркизом де Пина, названным в дневнике Пушкина.

Опираясь в своих трудах на письма, вошедшие в «Записки», одни исследователи, не заботясь об их достоверности, решались просто цитировать их в нужном месте [7, с. 109], другие — цитировали, предлагая поверить «Запискам» только «на этот раз» [20, с. 375] или «в данном случае» [1, с. 285]. Писатель С. Б. Ласкин и вовсе построил «свою» версию преддуэльных событий без каких-либо ссылок на первоисточник, на утверждении «Записок» А. О. Смирновой о пикантных отношениях Дантеса и Идалии Полетики [10, с. 82]. Именно из этих «Записок» читатель впервые узнал о том, что влюбленные друг в друга кавалергард и Идалия решили якобы отвести Н. Н. Пушкиной роль «ширмы», прикрывающей *их* отношения. Но опираясь на это свидетельство, С. Б. Ласкин отсылает читателя не к тексту самих «Записок», а к отрывку из них, процитированному Б. Н. Казанским в 1928 году.

Только в 1970-х годах два исследователя, один в США (А. Гласе), другая — в СССР (Э. Г. Герштейн) стали утверждать в своих работах, что «приведенные О. Н. Смирновой в приложениях эпистолярные материалы, несомненно, подлинные» [3, с. 14]. Э. Г. Герштейн посвятила источниковедческому анализу «Записок» специальный раздел («Лжезаписки») в своей работе «Как это случилось» [2, с. 296–301], впервые опубликованной в журнале «Вопросы литературы» № 2 за 2000 год. Исследовательница даже предлагала полностью переиздать этот раздел с критическим комментарием. «По стилю приведенных Смирновой писем, — отмечала Э. Г. Герштейн, — всегда легко можно отличить, где подлинное письмо, а где пересказ содержания, более или менее искаженный» [2, с. 300].

Обратимся к одному из таких писем, полученных А. О. Смирновой, как сказано в «Записках», от Алины Дурново —

дочери министра императорского двора князя П. М. Волконского и жены шталмейстера П. П. Дурново. Александра Петровна была всего пятью годами старше А. О. Смирновой и также принадлежала к той части высшего столичного общества, в котором непринужденно чувствовали себя министры и дипломаты, придворные и литераторы. 14 июля 1824 г. Пушкин так отозвался о ней и ее матери княгине С. Г. Волконской в письме А. И. Тургеневу из Одессы: «Это письмо будет вам доставлено кн. Волконской, которую вы так любите и которая так любезна. Если вы давно не виделись с ее дочерью, то вы изумитесь правоте и верности прелестной ее головы» [13, с. 103].

В январе 1837 года А. П. Дурново находилась вместе с мужем в столице, а ее мать уже несколько лет жила в Италии. Сохранилось письмо Алины от 30 января 1837 года, адресованное матери. В нем она рассказывала о гибели Пушкина, объясняя причины дуэли вспышками ревности поэта, «несчастным страстным характером покойного» [8, с. 240–242]. То, что именно «Пушкин был зачинщиком» поединка, А. П. Дурново отметила и в своей памятной книжке в записи от 28 января того же года [8, с. 236]. О. Н. Смирнова привела части двух писем, которые назвала письмами «M-me Дурново, урожденной княжны Волконской». По всей видимости, они были написаны вскоре после гибели Пушкина, так как в обоих из них говорится о первой реакции общества на события, связанные с дуэлью.

О. Н. Смирнова, комментируя эти письма от имени матери, заметила, что рассказ Дурново рисует «нравственный облик» петербургских салонов, принявших по большей части сторону убийцы Пушкина. В этом утверждении, как и в словах, приведенных в цитируемых О. Н. Смирновой письмах, нет ничего, что бы противоречило нашим представлениям об атмосфере этих салонов.

Даже если дочь мемуаристки основывала свой рассказ не на подлинных письмах Дурново, а на том, что слышала в доме своей матери, и в этом случае ее интерпретация не может быть названа прямой фальсификаций. «Рассказывали, что Дантес опасно ранен», — читаем в цитированном О. Н. Смирновой письме А. П. Дурново. — «Его друзья распространили слух, что ему будет сделана ампутация, между тем рана оказалась настолько легка, что никакой операции не требовалось. Он даже не упал» [18, с. 513–514]. Описанная картина вполне соответствует другим рассказам очевидцев, за исключением лишь последнего обстоятельства. Известно, что от удара пули Дантес все-таки потерял равновесие и упал, после чего быстро встал на ноги. Геккерны даже воспользовались этим ранением как предлогом для того, чтобы в первые дни после поединка Дантес находился не на гаупвахте, а под домашним арестом. Здесь по указанию комиссии военного суда его и освидетельствовал врач.

О. Н. Смирнова отметила, что «во избежание повторения» письма о смерти Пушкина из архива матери она публикует не целиком. «Их настроение везде одинаково, и я, по возможности, избегаю собственных имен; бесполезно возбуждать ненависть, возобновлять оскорбительные для жертв этих клевет намеки, но я замечу толь, что все те, которые приняли сторону Дантеса-Геккерна, этим самым оклеветали m-me Пушкину, будто обвиняя ее мужа в смешной ревности, как бы извиняли страсть beau-frére'a (свояка) к своей belle-soeur (невестке)» [18, с. 507]. Составляя эту часть «Записок», О. Н. Смирнова отбирала из писем те факты, которые, как ей казалось, представляли особый интерес и прежде всего характеризовали отношение великосветского об-

щества к памяти Пушкина. Так, обратившись к письму А. П. Дурново, она пересказала сплетню о том, что Пушкин якобы «видел свою жену, целующуюся с Дантесом уже ее beau-frére'ом», спрятавшись за портьеру. В этом месте, как пишет О. Н. Смирнова, автор письма заметила: «Между тем как в их столь просто отделанной квартире, которую я видела, не было ни одной портьеры» [18, с. 513].

Помимо характеристики Дантеса и его поведения, одна из частей письма А. П. Дурново, представленная на страницах «Записок», содержит любопытный факт преддуэльной истории, ускользнувший от внимания исследователей. Поведав о том, как Дантес преследовал в свете свою belle-soeur, что некоторые находили «смешным, гадким и крайне неприличным», рассказчица обратила внимание на два вопиющих, с ее точки зрения, события преддуэльной истории. «Без сомнения, что после письма Пушкина и сцены, которую он ему сделал на лестнице у старой Z., Геккерн испугался за своего сына…» [18, с. 513].

Если допустить, что О. Н. Смирнова выдумала историю со сценой на лестнице, то следует ответить на вопрос: почему она не стала описывать эту сцену так, чтобы читатель получил возможность «насладиться» подробностями ее рассказа. Вероятно, ей просто нечего было прибавить к этой записи, так как она не знала, когда и на какой лестнице произошла упомянутая сцена и что она собой представляла. По всей видимости, слова о «сцене у старой Z.» рассказчица действительно взяла из письма или какого-то иного документа, имевшегося в ее распоряжении.

Но не оставил ли кто-нибудь другой из окружения Пушкина известие о подобной сцене? Похоже, что такая же история запечатлелась в памяти В. А. Жуковского, который в своих конспективных записях, завершив рассказ о дуэли и смерти Пушкина, сделал помету: «В понедельник приезд Геккерна и ссора на лестнице» [22, с. 286]. Комментируя эту запись, Я. Л. Левкович была уверена, что в ней шла речь о приезде барона Геккерна в дом поэта в понедельник 25 января. Его неожиданное появление могло вызывать «ссору», которую, по словам Я. Л. Левкович, «должны были… слышать» все в доме — и домашние и слуги [22, с. 547]. С точки зрения Я. Л. Левкович, эта ссора «послужила, скорее всего, последним поводом к отправке «ругательного письма» Пушкина», а запись Жуковского констатировала «непосредственную связь» этой сцены с последующим затем поединком [15, с. 615]. Примерно так же представлены обстоятельства этой «сцены» в книге В. П. Старка о Н. Н. Пушкиной [20, с. 379].

Поскольку факт ссоры зафиксирован Жуковским после записей о ранении и лечении раненого поэта, Р. Г. Скрынников предположил, что в конспективных заметках было отмечено происшествие, случившееся не *до*, а *после* смерти Пушкина. «С середины января отношения поэта с послом были сильно натянутыми. Можно ли вообразить, что посол явился к Пушкину в то самое время, когда тот писал ему бранное письмо?» — задает вопросы историк. — «Можно ли представить, будто Пушкин устроил гостю сцену на лестнице собственного дома?» [17, с. 289]. По мнению Р. Г. Скрынникова, барон Геккерен прибыл в дом Пушкина не 25 января, а неделю спустя, в день похорон поэта — в понедельник 1 февраля. Предположение историка спорно. Следом за записью об этой «ссоре» Жуковский отметил: «Получил деньги из Государств. Казначейства 1-го февр. 10,000. Отдал графу Григорию Александровичу Строганову» [22, с. 286]. Тем самым автор заметок отделил тот понедельник, когда произошла «ссора», от понедельника 1 февраля, когда были по-

лучены упомянутые деньги на похороны Пушкина.

Жуковский не мог обойти вниманием роковую встречу Пушкина с Геккерном, если она действительно сыграла какую-то важную роль в преддуэльных событиях. Возможно, он припомнил о ней (или услышал о ней от кого-то) *после* того, как предыдущие записи были уже сделаны. Чтобы зафиксировать этот факт, ему следовало бы нарушить хронологию в своем конспекте, поэтому, начав запись о ссоре словами «в понедельник…», Жуковский мог подчеркнуть, что предшествующие записи охватывают события, не относящиеся к понедельнику 1 февраля.

Я. Л. Левкович отмечала, что о приезде Геккерна в дом Пушкина и «ссоре на лестнице» мы «знаем только по этой записи Жуковского» [15, с. 615]. Однако нельзя исключить вероятность того, что об этой же ссоре упоминается и в письме А. П. Дурново, опубликованном в «Записках» А. О. Смирновой-Россет. Но в письме довольно точно говорится, где произошла злополучная сцена: не в доме у Пушкина, а «у старой Z.». Здесь мнение Р. Г. Скрынникова как будто находит свое подтверждение. Действительно, маловероятно, чтобы Пушкин был настолько несдержан, чтобы закатывал скандалы иностранному дипломату в вестибюле дома, в котором снимал квартиру.

Но кто же такая «старая Z.»? И почему подобная сцена могла иметь место в ее доме? Ею могла быть одна из родственниц Н. Н. Пушкиной — Наталья Кирилловна или Екатерина Ивановна Загряжская. Первая из них жила на Фонтанке в доме у своей бывшей воспитанницы княгини Кочубей, супруги председателя Государственного совета и комитета министров князя В. П. Кочубея. Трудно представить, чтобы Пушкин устраивал подобные сцены в этом доме. А вот фрейлина Е. И. Загряжская, посвященная во многие перипетии семейной жизни Пушкиных, жила неподалеку от дома поэта в запасном дворцовом помещении, так называемом Шепелевском дворце. Ее квартира находилась на верхнем этаже, куда вела довольно высокая лестница. «Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы», — шутил Пушкин в письме к беременной жене 8 декабря 1831 г. [14, с. 246]. Со времени ноябрьского конфликта Пушкина с Дантесом, в погашении которого Загряжская принимала активное участие, барон Геккерн не раз поднимался по этой самой лестнице к тетушке своей будущей невестки. Здесь и могла произойти ссора, запомнившаяся современникам как предвестник будущей дуэли Пушкина с Дантесом.

Третий современник и непосредственный участник и свидетель тех событий секундант поэта К. К. Данзас вспоминал о скандале, устроенном Пушкиным в присутствии барона Геккерна именно в доме у Е. И. Загряжской. Излагая ход январских событий, завершившихся поединком на Черной речке, Данзас отмечал, что после свадьбы Дантеса барон Геккерн «заставлял» молодого человека писать Пушкину письма, убеждая его «забыть прошлое и примириться». Первое из этих писем, согласно утверждению Данзаса, Пушкин возвратил посланнику около 13–14 января на обеде у графа Г. А. Строганова. Как вспоминал Данзас, уже после этого свадебного обеда «Дантес приезжал к Пушкину с свадебным визитом», но не был принят. «Вслед за этим визитом» [15, с. 399] Пушкин получил от Дантеса второе примирительное письмо. «Это письмо, — рассказывал Данзас, — Пушкин, не распечатывая, положил в карман и поехал к бывшей тогда фрейлине г-же Загряжской, с которой был в родстве. Пушкин через нее хотел возвратить письмо Дан-

тесу; но, встретясь у ней с бароном Гекереном, он подошел к тому и, вынув письмо из кармана, просил барона возвратить его тому, кто писал его, прибавив, что не только читать писем Дантеса, но даже и имени его он слышать не хочет». Поскольку Геккерн ответил, что письмо адресовано не ему, а потому он не может его принять, Пушкин, раздраженный его ответом, вспылил и бросил письмо в лицо Гекерену, со словами: «Tu la recevra, gredin!» [Ты возьмешь его, негодяй! — *франц.*]» [15, с. 399].

Этот нелицеприятный для посланника разговор, запомнившийся современникам как бурная ссора, мог происходить не в самой квартире Загряжской, а при входе в ее апартаменты, то есть на комендантской лестнице Шепелевского дворца. Трудно представить, чтобы Пушкин только то и делал, что устраивал публичные скандалы Геккерну то в одном, то в другом доме. Поэтому, вероятнее всего, именно эту «сцену» имела в виду Алина Дурново. Сама ли она назвала Загряжскую «старой Z.» или же это сокращение было придумано О. Н. Смирновой, не желавшей, как она писала, называть имена участников драмы, не известно.

Как отметил В. А. Жуковский, ссора на лестнице случилась в понедельник, а в январе 1837 года между свадебным обедом у Строгановых, о котором вспоминал Данзас, и днем поединка было два понедельника: 18 и 25-е. Известно, что в понедельник 18-го Пушкин навестил приехавшую в столицу Е. Н. Вревскую, а вечером на рауте у саксонского посланника Люцероде в честь молодоженов Геккерн были устроены танцы. А. И. Тургенев записал в дневнике, что в тот вечер «долго говорил с Нат. Пушкиной и она от всего сердца…» [22, с. 269]. На следующий день свояченица поэта сообщала в письме к брату: «Все кажется довольно спокойным. Жизнь молодоженов идет своим чередом. Катя у нас не бывает, она видится с Ташей у Тетушки и в свете…» [12, с. 328]. Если бы описанная Данзасом и А. П. Дурново сцена уже произошла в доме у тетушки, Тургенев не мог бы не записать о ней в своем дневнике. Да и настроение А. Н. Гончаровой вряд ли было бы таким благостным, Позднее, когда Пушкин отослал письмо барону Геккерну, А. И. Тургенев заметил, что из всех домашних одна только А. Н. Гончарова знала об этом факте [15, с. 205].

Следовательно, решающая встреча у «старой Z.» могла произойти 25 января. В первой половине того дня Пушкин собирался встретиться с той же Е. Н. Вревской, заранее договорившись с ней о посещении Эрмитажа. По пути он мог заглянуть к Загряжской, надеясь через бывающую у тетки Екатерину Геккерн возвратить Дантесу его «примирительное» послание. На беду в это же время на квартиру фрейлины мог прибыть и сам посланник. Его упорное нежелание принять письмо из рук Пушкина, по словам Данзаса, «взорвало» поэта, швырнувшего письмо в лицо посланника и осыпавшего его бранными словами. Когда в обществе узнали о поединке, это происшествие, разумеется, было воспринято как одно из роковых событий, равное по своему накалу тому оскорбительному письму, которое Пушкин адресовал барону Геккерну. Именно так это событие и подано в письме А. П. Дурново к А. О. Смирновой-Россет. По всей видимости, эту же сцену зафиксировал и Жуковский в своих конспективных заметках. Данзас мог узнать о ссоре только с чужих слов, так как сам никогда не бывал в свете. Только этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в его изложении ссора с Геккерном оказывается, хотя и завершающим, но не итоговым этапом в цепи событий, повлиявших на решение о поединке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Изд. 2-е, доп. Л.: Наука, Ленингр. отделен., 1989 312 с.

2. *Герштейн Э. Г.* Память писателя: Статьи и исследования 30–90-х годов. СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. 672 с.

3. *Глассе А.* Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства // Временник Пушкинской комиссии, 1977 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука, Ленингр. отделен., 1980. С. 5–35.

4. *Есипов В. М.* «Подлинны по внутренним основаниям…» // Новый мир. 2005. № 6. С. 130–144.

5. *Житомирская С. В.* К истории мемуарного наследия А. О. Смирновой-Россет // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, Ленингр. отделен., 1979. Т. 9. С. 329–344.

6. Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) Ч. 1–2. СПб.: Редакция журнала «Северный вестник», 1895–1897. Ч. 1. 1895. 342 с.; Ч. 2. 1897. 92 с.

7. *Казанский Б. В.* Гибель Пушкина // Звезда. 1928. № 1. С. 102–117.

8. *Казанский Б. В.* Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 236–249.

9. *Крестова Л. В.* К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А. О. Смирновой // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями, примеч. Л. В. Крестовой / Под ред М. А. Цявловского. М.: Федерация, 1929. 448 с.

10. *Ласкин С. Б.* Вокруг дуэли. Документальная повесть. СПб.: Просвещение, 1993. 255 с. С. 82.

11. *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005. 640 с.

12. *Ободовская И. А., Дементьев М. А.* Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. Изд. 2-е, доп. М.: Советская Россия, 1978. 304 с.

13. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827 / Ред. Д. Д. Благой. 1937. 651 с.

14. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831 / Общ. ред. Н. В. Измайлов. 1941. 547 с.

15. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Изд. 3-е. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2. 656 с. (Пушкинская библиотека).

16. Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. / Сост. Р. А. Гальцева. М.: Книга, 1990. 527 с.

17. *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. Изд. 2-е, испр. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 495 с.

18. *Смирнова-Россет А. О.* Записки / Сост. О. Смирнова. М.: Захаров, 2003. 528 с.

19. *Спасович В. Д.* Д. С. Мережковский и его «Вечные спутники» // Вестник Европы. 1897. № 6. С. 559–603.

20. *Старк В. П.* Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. СПб.: Вита Нова, 2006. Т. 2. 496 с.

21. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, тип. «Печатный двор». 1928. 551 с.

22. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 5 / Вступ. статья, сост. и прим. Я. Л. Левкович. СПб.: Академический проект, 1999. 655 с. (Пушкинская библиотека).

REFERENCES

1. *Abramovich S. L.* Pushkin v 1836 godu: Predystorija poslednej dueli. Izd. 2-e, dop. L.: Nauka, Leningr. otdelen., 1989 312 s.

2. *Gershtejn Je. G.* Pamjat' pisatelja: Stat'i i issledovanija 30–90-h godov. SPb.: INAPRESS, 2001. 672 s.

3. *Glasse A.* Dujel' i smert' Pushkina po materialam arhiva vjurtembergskogo posol'stva // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1977 / AN SSSR. OLJA. Pushkin. komis. L.: Nauka, Leningr. otdelen., 1980. S. 5–35.

4. *Esipov V. M.* «Podlinny po vnutrennim osnovanijam…» // Novyj mir. 2005. № 6. S. 130–144.

5. *Zhitomirskaja S. V.* K istorii memuarnogo nasledija A. O. Smirnovoj-Rosset // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). L.: Nauka, Leningr. otdelen., 1979. T. 9. S. 329–344.

6. Zapiski A. O. Smirnovoj. (Iz zapisnyh knizhek 1826–1845 gg.) CH. 1–2. SPb.: Redakcija zhurnala «Severnyj vestnik», 1895–1897. Ch. 1. 1895. 342 s.; Ch. 2. 1897. 92 s.

7. *Kazanskij B. V.* Gibel' Pushkina // Zvezda. 1928. № 1. S. 102–117.

8. *Kazanskij B. V.* Novye materialy o dujeli i smerti Pushkina // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. In-t literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. [Vyp.] 1. S. 236–249.

9. *Krestova L. V.* K voprosu o dostovernosti tak nazyvaemyh «Zapisok» A. O. Smirnovoj // Smirnova A. O. Zapiski, dnevnik, vospominanija, pis'ma. So stat'jami, primech. L. V. Krestovoj / Pod red M. A. Cjavlovskogo. M.: Federacija, 1929. 448 s.

10. *Laskin S. B.* Vokrug dueli. Dokumental'naja povest'. SPb.: Prosveschenie, 1993. 255 c. S. 82.

11. *Nikitenko A. V.* Zapiski i dnevnik: V 3 t. T. 1. M.: Zaharov, 2005. 640 s.

12. *Obodovskaja I. A., Dement'ev M. A.* Vokrug Pushkina. Neizvestnye pis'ma N. N. Pushkinoj i ee sester E. N. i A. N. Goncharovyh. Izd. 2-e, dop. M.: Sovetskaja Rossija, 1978. 304 s.

13. *Pushkin A. S.* Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 13. Perepiska, 1815–1827 / Red. D. D. Blagoj. 1937. 651 s.

14. *Pushkin A. S.* Polnoe sobranie sochinenij, 1837–1937: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 14. Perepiska, 1828–1831 / Obsch. red. N. V. Izmajlov. 1941. 547 s.

15. Pushkin v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. Izd. 3-e. SPb.: Akademicheskij proekt, 1998. T. 2. 656 s. (Pushkinskaja biblioteka).

16. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: konec XIX — pervaja polovina XX v. / Sost. R. A. Gal'ceva. M.: Kniga, 1990. 527 s.

17. *Skrynnikov R. G.* Duel' Pushkina. Izd. 2-e, ispr. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC, 1999. 495 s.

18. *Smirnova-Rosset A. O.* Zapiski / Cost. O. Smirnova. M.: Zaharov, 2003. 528 s.

19. *Spasovich V. D.* D. S. Merezhkovskij i ego «Vechnye sputniki» // Vestnik Evropy. 1897. № 6. S. 559–603.

20. *Stark V. P.* Zhizn' s pojetom: Natal'ja Nikolaevna Pushkina: V 2 t. SPb.: Vita Nova, 2006. T. 2. 496 s.

21. *Schegolev P. E.* Dujel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy. M.; L.: Gos. izd-vo, tip. «Pechatnyj dvor». 1928. 551 s.

22. *Schegolev P. E.* Dujel' i smert' Pushkina. Issledovanija i materialy. Izd. 5 / Vstup. stat'ja, sost. i prim. Ja. L. Levkovich. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. 655 s. (Pushkinskaja biblioteka).